

Александр БУРМЕЙСТЕР

д. философии (Ph. D.), заслуженный профессор
Гренобльский университет III им. Стендаля, г. Гренобль, Франция
E-mail: bourmeyerster.alexandre@neuf.fr

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДЕ-КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛОЖЬЮ

Семиотологический подход ко лжи с помощью семиотического квадрата Греймаса «права–ложь–ошибочность–тайна»

Формулируя это соотношение между Советским Союзом и ложью, я изложил суть различных синонимов и их эквиваленты в русском языке. Я обратился за разъяснениями к своему другу Борису Егорову из Санкт-Петербурга. Вот что он мне ответил: «Вы задали интересный вопрос: обман–ложь–фальшь. Я считаю ложь словесным фокусом, а обман — шире, в него можно включить замалчивание. Например, П. Анненков упрекал пушкинскую Татьяну в обмане — в скрытии ее любви к Онегину. Перед собой Татьяна молчала. Невозможно представить, чтобы она солгала относительно своей любви. Так что ложь — это как бы часть обмана. Фальшь, скорее всего, представляет собой умолчание, так как чаще всего фальшь молчалива. Нельзя сказать «лживые деньги», но «фальшивые».

Лживый–обманчивый–фальшивый. В русском языке так же сложно дифференцировать эти термины, как и во французском, особенно когда они употребляются изолированно друг от друга (вне литературного контекста). Поэтому я предлагаю расположить их в «семантическом окружении» — с помощью верификационного квадрата Греймаса.

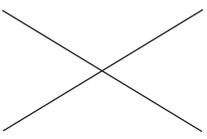
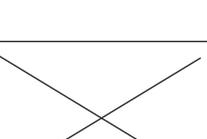
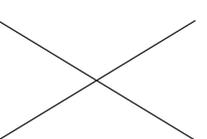
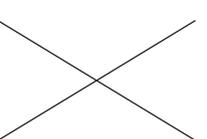
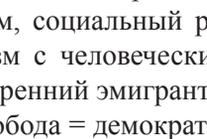
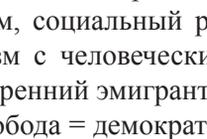
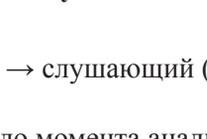
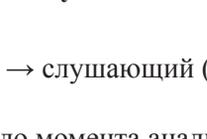
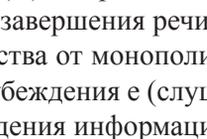
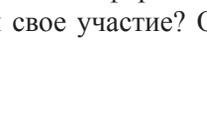
Семантический квадрат

Позитивное направление	А (свобода)		не-А (порядок)
Негативное направление	не-А*		А*
	(беспорядок)		(деспотизм)
А и не-А	Направление противоречий, отношение противоположностей, взаимное допущение, сопутствующие, правдоподобные или неверные одновременно.		
А и А*, не-А и не-А*	Противоречие через отрицание, невозможность быть вместе.		

Упрощение семантического квадрата к одной альтернативе выглядит таким образом:

Либеральный дискурс: возьмем свободу и деспотизм (порядок идентифицируется с деспотизмом; беспорядком, замалчиванием).

Авторитарный дискурс: возьмем порядок и беспорядок (свобода идентифицируется с беспорядком, деспотизмом, замалчиванием).

Свобода	Способность принимать (присоединяться)		Способность отказывать (выбирать)
Обязательство	Обязанность принимать (подчиняться)		Обязанность отказывать (отступаться)
Говорить правду (защищать свое Я)			Лгать (защищать часть себя)
Изобличать (дискредитировать партию, отречься от своего прошлого революционера)			Притворяться (позориться, подкреплять тоталитаризм)
Личная безопасность (добровольная зависимость)			Личная ответственность (сопротивление)
Безответственность (инфантилизм)			Небезопасность (расположение к преследованию)
Позитивная сторона	Вера (доверие)		Размышлять (наука)
Негативная сторона	Говорить вздор, неправду		Сомневаться

Взаимное допущение между А и не-А заставляет прибегнуть к синкретизмам, охватывать две неоднородные категории одной «семиотической величиной», которая их объединяет. Комплексные термины происходят из течений, носящих мистический и сакральный дискурс: национал-социализм, марксизм-ленинизм, демократический централизм, исторический материализм, социальный реализм, всенародное государство, развитой социализм vs социализм с человеческим лицом, советский патриот, гитлеровско-троцкистский шпион, внутренний эмигрант.

Позитивное слияние: порядок + свобода = демократический централизм = тоталитаризм.

Негативное слияние: беспорядок + деспотизм = застой.

Схема коммуникации

Говорящий (L) — сообщающий.

Говорящий (E) → высказывание (э) → слушающий (e).

Собеседник (I) — принимающий.

E и e — малопонятные реальности до момента анализа текста (дискурс).

L и I — личности, находящиеся за пределами текста, но узнаваемые в нем.

Эта схема отражает повествование (П) в передаче информации говорящим слушающему (манера речи, дискурс) с целью завершения речи.

E (говорящий) получает преимущества от монополии высказывания, основываясь на своем уровне компетенции с целью убеждения e (слушающего). Отражается ли личность говорящего в момент воспроизведения информации через его монополию на эту информацию? Реализует ли говорящий свое участие? Ответ лежит в идентификации текста/контекста:

Если $L = E$ и $I = e$, сообщение удалось.

Если $L = E$ и $I \neq e$, сообщение не удалось, это артефакт. Когда $E = e$, это шаблонный язык.

Если $L \neq E$ и $I = e$, сообщение не удалось по причине сомнительной компетенции говорящего (ложь).

Если $L \neq E$ и $I \neq e$, сообщение не может больше существовать, только в качестве симулякра.

Анализ высказывания позволяет судить о его результативности, в противном случае — о достоверности, раскрывать часть скрытых или ценных данных, упорядоченных или искаженных под воздействием эмоций, а также восстановленных игрой исполнителем, говорящим правду или маскирующим свою истинную принадлежность.

Верификационный квадрат

		<i>Правда</i>		
Секретный	Быть (внутреннее содержание)	\	Казаться (манифестация)	Ложный
	Не казаться	/	Не быть	
		<i>Ложь</i>		

«Быть» и «казаться» не являются онтологическими понятиями (видимость, бытие), а группой терминов, дихотомией в антонимических отношениях, которые позволяют их объединить как «слово» и «язык», «компетенция» и «выступление», «парадигма» и «синтагма».

Ошибаться — заменять правду неправдой, отрицая бытие в пользу «не-бытия». Обманщик заявляет о себе таким, каким он не является (как волк, переодетый в овцу).

Прятать свою сущность (правду) — заменять правду секретом, отрицая видимость в пользу «невидимости». Притворщик надевает маску.

Кто говорит: «Это неправда?» Тот, кто никогда не ошибался.

Бокасса, первый император Центрально-Африканской Республики 1976–1979 гг.

СССР, Октябрь, пролетарская революция, первое социалистическое государство: антисоветское.

Кто говорит: «Это правда?» Тот, кто верит и продолжает верить.

СССР, Октябрь, пролетарская революция, первое социалистическое государство. Позиция военного коммуниста, подготовленного советского человека: «Мы встаем на путь социализма, мы не можем больше вернуться к капитализму» (увы!). Другими словами, уезжая в Ниццу, мы больше не можем вернуться в Париж.

Кто говорит: «Это секрет?» Советолог, который следует скрытой борьбе между партией и КГБ. «Правый», который следует борьбе, рожденной между аппаратом партии и рабочим сопротивлением.

Кто говорит: «Это ложь?» Тот, кто верит и кто обманут.

Кардинальная ценность проявления этого говорящего в следующем. Его избличение лжеца основано на пережитом, экзистенциальном опыте, не на легко опровергаемых предрассудках.

Во времена сталинского террора доноситель такой формы лжи являлся особенным свидетелем, интернационалистом, потерявшим доверие в СССР, но так и не изменившим свои революционные убеждения ради буржуазных идей или не присоединившим-

ся к фашизму, в чем его всегда обвиняли коммунисты. На Западе в 30-х гг. XX в., в условиях тревожной и горячей обстановки, было сложно занять третью сторону между антикоммунизмом и антифашизмом. Одни были противниками фашизма, другие — тайными коммунистами. Марксист-ленинист обнаруживает буржуазный характер антисоветских мотивов, зарубежный буржуа рассматривает с недоверием антисоветские доказательства любого большевика. Тем не менее слова этих изгнанников, основанные на экзистенциальном опыте, пережитые в терпении и преследовании, — самый сложный объект для опровержения. Неистовство оклеветавших и угрожавших им обнажает лживый характер «священной» правды. Хрупкость лжи перед высказанной правдой влечет немедленную реакцию, непропорциональную «посредственному» заявлению противника. В режиме, построенном на лжи, за политическими дебатами неизбежно следует полицейский допрос; за идеологическими расхождениями — обвинения в предательстве.

Предоставим все же слово этим «людям полночи», как их назвал Виктор Серж в своем романе «Если наступает полночь в веке». Их одинокие голоса, разрушенные убеждения, сломанные судьбы отражены, в частности, в трех работах: «Против течения» Бориса Суварина (Деноэль, 1985), «Возвращение на Запад» Виктора Сержа (Агонь, 2010) и «Десять лет в государстве концентрированной лжи» Анте Цилица (Шамп Либр, 1977).

Борис Суварин

Борис Лифшиц (Суварин — псевдоним, навеянный произведением Жерминаль) родился в 1895 г. в Киеве и умер в Париже в 1984 г. Он вступил в III Интернационал, участвовал в Конгрессе Тур в 1920 г. и в III Конгрессе Интернационала в Москве. Там он был избран в 1920 г. в Президиум и, находясь в конфликте с Кашином, модератором в политбюро Коммунистической французской партии, находясь в правом крыле, симпатизируя Троцкому и находясь в оппозиции к Зиновьеву, изобличал бюрократический централизм. Издается его работа «Новый курс Троцкого». После исключения из Интернационала и КФП в 1924 г., он опубликовал работу «Сталин: исторические очерки большевизма» (Плон, 1935) и основал Институт социальной истории и документации о СССР. В 1936 г. вышла в свет работа «Через страну Советов». В 1940 г. был вынужден уехать в США. По возвращении во Францию он основал журнал «Восток-Запад: Социальный контракт» и остался «коммунистом», дискредитируя поговорку хорошего военного: «Лучше ошибаться в партии, чем быть правым против нее».

Суварин провозгласил упразднение дебатов внутри партии, аргументируя позицию слоганом «Ради союза, против дискуссии!». В то же время он раскрывает подавление оппозиции, которая защищала интересы пролетариата, и узурпацию бюрократии, которая олицетворяла этот пролетариат. Он спрашивает себя: каким образом русский коммунист перешел от своей революционной теории к криминальной практике? Кто придерживается левых взглядов? Кто — правых? Нужно ли наказывать весь мир за предательство? Отвергая теорию, он выдвигает предположения. Он полемизирует с Троцким, признававшим неизбежное возвращение к капитализму в случае, если экономический аппарат вырвется из контроля партии-государства, который позже его обвинил в переходе на другую сторону баррикад. Он приветствует свидетельство возвращения Андре Гида в СССР, где тот был принят с распростертыми объятиями и был обманут пропагандой. На судебных процессах в Москве он констатировал, что невозможно отличить выступления обвиняемых от выступления обвинителей. Единственное объяснение: этим правит ложь!

СССР — страна лжи, лжи абсолютной, лжи всецелой. Сталин и его последователи врут всегда, ежеминутно, в любых обстоятельствах и, во время вранья, сами не осознают, что врут. Они купаются в атмосфере, насыщенной ложью. И когда каждый лжет, он не врет больше того, чем он сам является. Там, где все обманывают, никто не может не врать. СССР — не что иное, как сама ложь, — от основания до самого верха.

Жить во лжи означает потерять человеческое достоинство, уважение перед самим собой. Согласно Суварину, ему нечего было делать в СССР — государстве, полном лжи, и он решил сохранить себя в других странах.

Виктор Серж

Второй свидетель этого первого судебного процесса над страной лжи — Виктор Кибальчич. Псевдоним — Серж. Он родился в 1890 г. в городе Иксель, Бельгия, в семье иммигрантов, и умер в 1947 г. в Мексике. Молодой анархист, он оправился в Париж, укрывал членов банды Боннот, за что был заключен под стражу (1912–1916) и позже отпущен. Он участвовал в попытке организовать анархистское восстание в Барселоне в 1917 г., тайно вернулся во Францию, вновь был заключен под стражу, позднее его обменяли в соответствии с франко-советским соглашением. С этого момента он выступает в большевистской партии, защищает Петроград от Юденича, консультирует на конгрессах Интернационала, сотрудничает с Зиновьевым в исполнительном аппарате Интернационала (1922–1926), выезжает в Германию и Австрию в качестве журналиста и агента Коминтерна. Находясь вместе с Троцким в оппозиции к правым, он был исключен из ВКП(б) в 1927 г., но не смог эмигрировать. Будучи приговоренным к ссылке на Урал, был освобожден и, вследствие международной кампании, инициированной Троцким, Сувариним, Гидом, Дюамелем и другими, оправдан в судебном процессе в Москве.

Будучи оговоренным коммунистами, ему запретили печататься в правых издательствах, контролируемых Народным фронтом, этой антифашистской организацией, где было запрещено критиковать СССР, но он нашел убежище только в «Валлонии» (La Wallonie), ежедневной газете Льежа, которая предоставляла ему еженедельную хроникку. Виктор Серж печатался в ней, выступая одновременно против процесса в Москве и возрождения фашизма, говоря о войне в Испании, Китае и об обмане войны. Он бежал в Марсель в 1940 г., потом в Мексику, где он продолжил изобличать тоталитаризм и умер в нищете в 1947 г.

«На судебном процессе в Москве, — писал он, — люди оскорбляли друг друга ртами, полными лжи, поскольку они были связаны со своей партией как с обителем: что может быть выше? Для коммуниста нет ничего выше этого. Зиновьев и Каменев сохранили свое достоинство и сберегли священный союз с их ненавистным руководителем, чтобы сохранить Партию». «И, — добавляет Серж, — только они, пожертвовав себя этой игре, были выставлены на публику и как неудобные были тайно устранены».

Бюрократический деспотизм создал последовательность обмана и лжи: требования плана являлись нереальными, поскольку были основаны на неверных цифрах и лживых отчетах. Отказ в удовлетворении этих сумасшедших требований воспринимался ЦК как саботаж. В свою очередь, необходимо было лгать, обманывать без конца.

Изучая арест Бориса Пильняка, автора работы «Волга впадает в Каспийское море», Виктор Серж восклицает: «Эта книга кричит ложь и шепчет правду». В этом он обращается к Марксу: как объяснить то, что большая революционная марксистская партия, придя к власти, уничтожает с трудом выживших людей в героические времена? Либеральная философия говорит: «Революции пожирают своих детей». На это марксист произносит: «Это только борьба классов».

«Полуночный человек», интеллектуальный апатрид — большевик для буржуазии, троцкист для сталинистов, маленький буржуа для троцкистов. Но после того как Сталин и Риббентроп, улыбаясь, протянули друг другу руки, а вооруженные силы Гитлера появились на Висле, правда восторжествовала: «Ложь, фальсификация хорошо известных фактов, трюк истории, трюк статистики внезапно обнаруживают себя в чрезмерных, безумных пропорциях; и повсюду острый запах крови. Внезапно нас осталось несколько свидетелей, почти отчаявшихся от одиночества, кричащих о том, что мы знаем, о том, что видели и пережили».

Анте Цилица

Третий и последний свидетель — Анте Цилица — родился в 1898 г. в Шеготичи, около Хорватии, и умер в 1992 г. в Загребе. В 1920 г., являясь членом политического бюро коммунистической партии Югославии, он получил степень доктора истории в Загребе и способствовал созданию Международной федерации студентов-марксистов. Будучи уполномоченным от Интернационала координировать революционную борьбу в Центральной Европе, был выслан и прибыл в Москву в 1926 г. Он присоединился к оппозиции в 1928 г. и, исключенный из партии через год, вернулся в Ленинград под протекцией Кирова. По возвращении в Москву в 1930 г., присоединился к группе подпольных русско-югославских оппозиционеров, задержанных как троцкисты. Цилица был приговорен без суда на три года политической изоляции в Верхнеуральске, предназначенном для особых политических заключенных. В 1933 г. он был депортирован в Енисейск. В декабре 1935 г. после голодовок и попыток суицида был выслан в качестве итальянца.

В Париже по просьбе Бориса Суварина он написал свои мемуары «В стране большой лжи» (Gallimard, 1938). Цилица не желал возвращения в ленинизм, но хотел создать общий фронт социалистов, анархистов, синдикатов, демократов, оппозиционных коммунистов против сталинского бюрократического террора. В 1941 г. он закончил свой труд «Сибирь — земля ссылки и индустриализации» и вернулся в Хорватию. Вскоре он был задержан, заключен в лагерь Ясеновац и приговорен к смерти. Прозападные хорватские защитники добились его освобождения в 1943 г.; преследуемый Красной армией и нападками коммунистов, он спасся бегством через Европу и, осев в Риме, заинтересовался югославскими националистами: «Государственный кризис в Югославии Тито» (Denoel, 1972). Он вернулся к своему сочинению в 1938 г., поменяв заголовок на «Десять лет в государстве концентрированной лжи» (Champ libre, 1977), которая выходит в свет в наши дни в Хорватии.

Цилица обнаруживает, что слоганы, выдвинутые оппозицией правых на демонстрации 7 ноября 1927 г. «против кулака, нэпмана и бюрократии», были закреплены на XV Съезде ВКП(б) 1927 г. Правая фракция (Рыков, Бухарин, Томский) осудила их, но самые жестокие преступления, как правило, скрываются за маской самых прогрессивных слоганов. Интеллектуалы оппозиции капитулировали, в первую очередь их интересовало наступление против «кулака», провозглашенной индустриальной революции, но никак не против рабочих. Цилица выявил их намерения: «Сталин разгромил нашу программу с большим ожесточением, чем Троцкий, но его манера Чингисхана подходит лучше к европейскому населению России — азиатской страны: «Бюрократия показала свой «пятилетний план», антирабочий и антисоциалистический, мишуру социалистов, пролетариев и ярых революционеров».

Цилица предсказывал неизбежный конфликт между крестьянством, неожиданно тяготеющим к частному капитализму, и государственным капитализмом, стремящимся

к социализму. Он представлял возвращение к 1917 г. — войну класса рабочих и бедных крестьян против пережитков капитализма. Три силы оказались лицом друг к другу: государственный капитализм, частный капитализм и социализм. Сталинисты и троцкисты олицетворяли государственный капитализм и социализм, бюрократию и пролетариат. Троцкий критиковал бюрократизацию, реализованную остатками диктатуры пролетариата. Он пришел к выводу: новая система не склоняется ни к социализму, ни к частному капитализму; она ни буржуазная, ни рабочая. Какая же она тогда?

При рассмотрении экстерьерера содержание не меняется. Переворот был завершен и социальные отношения стали развиваться в диаметральной направленности от тех принципов, которые были провозглашены Октябрьской революцией.

Цилига полагает, что тайна русской революции — тайна, которую человечество и международное рабочее движение должно было решить — в следующем: каким образом удалось ликвидировать всех, кто организовал Октябрьскую революцию, и все, что составляло ее внешние формы; возродить эксплуатацию рабочих и крестьян без улучшения положения частных капиталистов и земельных собственников; начать революцию, чтобы ликвидировать эксплуатацию человека человеком и закончить установлением новой формы эксплуатации?

Где искать ответы? В тюрьме, в политическом изоляторе Верхнеуральска, где находились представители всех социальных слоев России всех запрещенных политических партий, кроме КПСС. Это было единственное место, где было возможно, по мнению русских, узнать государство с октября 1917 г. и понять, какие принципы составляли его основу. Остров свободы потерян в океане рабства.

Цилига красиво сравнил Сталина с Робеспьером, не с Термидором, ни с Бонапартом, по процессам — организация «партия рабочих» в декабре 1930 г. и «бюро меньшевиков-социалистов» в марте 1931 г. — лживые, скандальные признания, театральная постановка, предлагаемая аморальным режимом уставшего от революции общества и очарованного обещаниями экономического чуда, реализованного по большей части заключенными лагерей. И тут же Троцкий настаивал на видении СССР как государства рабочих, которое развивается на основании диктатуры пролетариата! Что до Ленина, то после Октября оставшаяся малая часть буржуазии и капитализм воспринимались им все еще как угроза пролетариату; он осудил все попытки ориентироваться на государственный капитализм и, чтобы побороть бюрократию, предложил в своих последних сочинениях бюрократическую реформу Инспекции рабочих и крестьян и отсутствие мобилизации масс.

Таким образом, мнения всех моих троих свидетелей о Советском Союзе сходятся. Борис Суварин говорил о Республике Советов как о республике, в которой нет советов, а выборы без избирателей бессмысленны. Виктор Серж заявляет: «Господство фальшивых идей проистекает из правдоподобности скопированных идей; они являются симулякрами, которые используются в реальности». Анте Цилига подчеркивает: «Миф Ленина представляется мне не больше, чем ложью, призванной скрыть преступления бюрократии».

В своем анализе «страны лжи» они изначально не сомневались в пролетарском характере Октября. Позже они задались вопросом: «Когда началось искажение заданной революцией линии развития? Ее направление происходило направо или налево? В 1928 г.? В 1924 г.? Или прямо перед смертью Ленина?». В конце концов, они убедились в том, что СССР не являлся государством ни Советов, ни диктатуры пролетариата, ни первым социалистическим государством. Большевицкий государственный переворот мог найти свое оправдание только в том случае, если бы он стал первым этапом

мировой революции, воспринимаемой как неизбежность. К сожалению, ожидание не было оправдано, и для отсталой страны началась несчастная эра. Неспособное созидать социалистическое общество, наедине само с собой, пыталось стать продвинутой страной наподобие Германии. Эта горькая правда не стала уроком; узурпаторы пришли к власти и осуществили уничтожение революционеров-интернационалистов — всех, кто поступал так же, как они сами, под лживым слоганом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Международная власть сменилась парадигмой, ставшей интернациональной, и своим режимом, ставшим полицейским.

Исходя из противоположной позиции, я пришел к тем же выводам самостоятельно, однако стремлюсь доказать, что Октябрьская революция не являлась началом провалившейся мировой революции. Она скорее была контрреволюцией, направленной против революции братьев Люмьер, российских изменений со времен Петра Первого. Хрупкость лжи, стремящейся скрыть правду, принуждает вруна к повышенной бдительности. Наконец, к стремлению искоренить на начальном этапе любые попытки выяснить правду. Ложь позорит лжеца и уродует того, кто следует ей через страх. Сталинский террор почти не оставлял выбора, и советская ложь калечила советское население. Суварин написал, что большевизм дебютировал как абстракция, продолжился фикцией и завершился ложью.

Эту сфабрикованную легенду по мотивам СССР я назвал «сказ» — это официальная правда, которая кажется выученной наизусть. Лучшим примером этого сказа является преамбула Советской Конституции 1977 г., которая начинается так: «Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным...».

Единожды принятый, этот сказ стал вроде «права неприкосновенности личности», маской, за которой каждый может скрыться, унижающим паспортом, который каждый советский человек считает нужным продемонстрировать в присутствии иностранца. Мы узнали других — первых приезжавших русскоязычных — эти группы студентов, наказываемых за малейший проступок их «руководителем» и стремящихся самостоятельно избавиться от разоблачения со стороны своих соотечественников, чтобы не исправлять в ближайшем будущем ложь «provokatora». В Гренобле, куда каждый год приезжают группы стажеров на несколько месяцев, мы видим, как эволюционируют их поступки и те ситуации, при которых ложь распускает свои перья. Тем не менее привычка осматриваться живет долго. Анонс катастрофы в Чернобыле, вопреки недоступной долгое время информации с Запада, наши стажеры хранили в абсолютной тайне, «без комментариев», в течение недели, пока не была оглашена официальная «правда» (т. е. ложь). Во времена полной перестройки, неизбежно превратившейся в поворот к либерализму, некоторые даже искренне сожалели: «Мы в Советском Союзе — другие, не хотим возвращаться к капитализму, поскольку идем к коммунизму!». Полностью обработанные, они перепутали исторические законы и путь: с билетом в Ниццу невозможно остановиться в Лионе, чтобы вернуться в Париж!

Из-за невозможности возродить социализм, лживая советская система построила «сказ»; из-за невозможности однажды создать «нового человека» эта система разрушила индивидуальность, породив зависимых людей. Достаточно часто сегодня плохие законы в систематическом порядке допускаются. Руководствуются ли они патриотизмом? В период В. В. Путина, который не услышал традиционное «У нас тоже есть!»...

Перевод с французского Е. С. Александровой